

И. Р. ГРИГУЛЕВИЧ

КРУШЕНИЕ ИЕЗУИТСКОГО ОРДЕНА В КОЛОНИАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ

Часть I

РОСПУСК ИЕЗУИТСКОГО ОРДЕНА

Весной 1767 г. испанские колониальные власти в Америке получили из Мадрида конверт, запечатанный большой королевской печатью, с приказом председателя Кастильского совета графа Аранды не вскрывать его под страхом смертной казни до 25 июня 1767 г. Вице-короли и генерал-капитаны трепетали от любопытства и страха, пытались отгадать содержание таинственного послания. В назначенный день конверт был вскрыт и из него извлечен декрет — прагматика¹ испанского короля от 2 апреля 1767 г., повелевавшая немедленно собрать всех членов ордена иезуитов, даже больных и умирающих, взять их под стражу, объявить им о роспуске их ордена и первым же свободным транспортом направить в порт Санта-Мария близ Кадиса, откуда они будут высланы на постоянное жительство в папские владения в Италии.

В прагматике король заявлял, что он принял решение об изгнании иезуитов из своих владений и о конфискации их собственности, «побуждаемый серьезнейшими причинами, относящимися к моим обязанностям обеспечивать подчинение, спокойствие и справедливость моих народов, и по другим неотложным справедливым, необходимым и обязательным причинам, которые известны только одной моей королевской совести»². Прагматика устанавливала изгнанным иезуитам ежегодную пенсию в 100 песо, поясняя при этом, что ее лишится тот из них, кто будет выступать против короля, и все иезуиты ее лишатся, если руководство их ордена будет уличено в поддержке таких выступлений. Все имущество ордена, движимое и недвижимое, конфисковывалось в пользу королевской казны. Учреждалась хунта по управлению бывшей иезуитской собственностью, доходы от которой должны были идти на нужды просвещения и на уплату пенсий изгнанным членам ордена. Высланные иезуиты, пожелавшие выйти из ордена и вернуться в светское состояние, могли просить короля о возвращении в Испанию, но, получив разрешение, обязаны были под присягой дать клятвенное обещание председателю королевского совета прекратить всякую связь с членами ордена или его генералом и не выступать в их защиту. Жителям Испании и ее владений под страхом строгого наказания запрещалась переписка с изгнанными членами ордена.

Какие же причины заставили его католическое величество столь сурово расправиться с верными слугами церкви? Приказ Карла III не был столь неожиданным, как

¹ Полное название документа — «Прагматический приказ его величества о высылке, согласно закону, из этих королевств членов Общества, конфискации их собственности, запрете восстановления когда-либо в будущем и с перечислением других мер». См. полный испанский текст оригинала в кн.: W. E. Shields. King and Church. Chicago, 1961, p. 370—377.

² W. E. Shields. Op. cit., p. 371.

это могло показаться на первый взгляд. Вот уже несколько десятилетий, как просвещенное мнение Европы осуждало, разоблачало и высмеивало деятельность иезуитов. Их клеймили Вольтер, Дидро и другие великие просветители и энциклопедисты. Их открыто обвиняли в покушениях на жизнь королей, участии в политических заговорах, в финансовых спекуляциях и аферах, в развращении юношества, в коварстве, лицемерии и прочих пороках. Королевская власть в католических странах явно тяготилась онекой иезуитского ордена, этого государства в государстве.

Растущая буржуазия и король, жаждавший абсолютной власти, объединились в своем стремлении уничтожить иезуитский орден и тем самым обезглавить враждебную им церковно-феодальную партию. Первый удар по иезуитскому ордену был нанесен в Португалии, где деятельность ордена была запрещена в 1759 г. по приказу главы португальского правительства маркиза де Помбала³. Не прошло и пяти лет после роспуска ордена в Португалии, как такая же участь постигла иезуитов и во Франции. Парламент и особая королевская комиссия, обследовавшая деятельность ордена, пришли к выводу, что подчинение французских иезуитов иностранному генералу, проживающему в Риме, противоречит законам королевства и обязанностям его подданных. 6 августа 1762 г. парижский парламент, высшая судебная инстанция страны, постановил запретить иезуитский орден и изгнать из страны его членов. Постановление было узаконено королем спустя два года. Штаб-квартирой иезуитов в Париже на улице По-де-Фор завладели франкмасоны, принявшие в 1778 г. в этой бывшей святой святых ордена в свои ряды Вольтера, бывшего ученика отцов-иезуитов и их самого лютого врага.

Теперь настал черед Испании.

29 января 1767 г. в Мадриде в большой тайне собрался чрезвычайный совет (особый трибунал) испанского королевства под председательством главы правительства графа Аранды. Он принял текст консулты (обращение к королю) о запрещении иезуитского ордена на территории королевства и его заморских владений. Карл III одобрил консулту, на основе которой была составлена уже известная прагматика губернаторам испанских провинций и вице-королям заморских территорий. Чтобы секрет не просочился, приказ переписывали знавшие грамоту дети; предполагалось, что они не поймут его содержания.

В метрополии члены ордена были арестованы 2 апреля. В американских колониях на всю процедуру (арест, высылку) ушло около полутора лет. Как в Испании, так и в заморских владениях, за исключением Мексики, операция по аресту иезуитов и их высылке прошла без особых помех. Прибегая к различным уловкам, местным властям удалось сконцентрировать выманиенных из их миссий иезуитов в намеченных местах и арестовать их. Это породило легенду о том, что тот же корабль, который доставил в колония королевскую прагматику, якобы привез и тайное уведомление иезуитского генерала своим подопечным о предстоящей их высылке. Поэтому, когда власти пришли за иезуитами, те якобы уже ждали их с готовыми к путешествию баулами⁴. Судя по всему, такое уведомление, и то, по-видимому, от своих местных сторонников, иезуиты получили только в Новой Испании (Мексике). Предвидя, что иезуиты могут мобилизовать в свою защиту фанатически настроенных сторонников из местного населения, вице-король Новой Испании маркиз де Круа обнародовал обращение к жителям, в котором требовал беспрекословного подчинения королевской прагматике: «Раз и навсегда предупреждаю подданных великого испанского монарха, что они рождены для того, чтобы молчать и повиноваться, а не спорить и высказывать свое мнение о важнейших вопросах государственной политики»⁵. Однако сторонники иезуитов все же подняли мятежи в городах Сан-Луис-Потоси, Гуанахуато и Вальядолиде. Чтобы «извлечь» оттуда иезуитов, потребовалось 5 тыс. солдат. На подавление мятежа ушло четыре месяца.

³ Себастьян Жозе Корвалю-и-Мельо, маркиз де Помбал (1699—1782) — талантливый и смелый реформатор, ограничил власть церковников, подчинил инквизицию контролю правительства, способствовал развитию промышленности и внешней торговли, осуществил реформу просвещения.

⁴ L. A. Sánchez. Historia general de America, t. I. Santiago, 1963, p. 375.

⁵ «Historia documental de México», vol. I. México, 1964, p. 357—358.

Всего было выслано из американских колоний 2260 иезуитов, из них прибыло в Санта-Марию 2154, остальные умерли в дороге. Из Мексики было выслано 562 человека, Парагвая — 437, Перу — 413, Чили — 315, Кито — 226, Новой Гранады — 201. Большинство высланных составляли испанцы, несколько сот — креолы, 239 иезуитов были уроженцами Италии, Германии, Австрии и некоторых других европейских стран⁶.

Не прошло и двух лет после принятия королевской прагматики, как некогда всемогущий и грозный иезуитский орден перестал существовать на всей территории Испанской империи, а также в Неаполе и Парме. Когда об исполнении его повеления доложили Карлу III, он воскликнул: «Я вновь обрел свою империю!». Его министры выказали не меньшее удовлетворение. Бывший испанский посланник при папском престоле и министр юстиции Карла III Мануэль де Рода-и-Арриета писал министру Людовика XV графу Шуазелю в Париж: «Мы убили сына, теперь нам остается совершить то же самое с его матерью — нашей святой римской церковью»⁷.

Со своей стороны папа римский Климент XIII утверждал, что иезуиты ни в чем не виновны, и предупреждал испанского короля, что не примет их в свои владения. Действительно, когда с испанских кораблей пытались высадить в Чивита-Веккья изгнанных иезуитов, папская береговая артиллерия открыла по ним огонь и иезуитов пришлось оставить на Корсике, откуда они потом перебрались в Геную и Болонью.

Между тем испанский король все настойчивее требовал от «святого отца» подписать смертный приговор «Обществу Иисуса», как официально именовался иезуитский орден. Климент XIII и слышать не хотел об этом. Пока велись переговоры, Франция и Неаполь захватили папские владения, расположенные на их территории, — Авиньон, Понтекорво и Беневент⁸. В начале 1769 г. давление бурбонских дворов на Климента XIII усилилось, и он пообещал запретить иезуитский орден. Для этого в Ватикане был назначен на 3 апреля специальный кардинальский консисторий, но накануне папа внезапно скончался, испытывая острые рези в желудке. Был ли он отравлен иезуитами? Об этом ходили упорные слухи.

Вместо консистория пришлось созывать кардинальский конклав для избрания нового папы. Это был один из самых бурных конклавов в истории папства. Иезуиты приложили все силы, чтобы возвести на папский престол своего сторонника. 185 раз голосовали кардиналы, прежде чем удалось избрать нового владыку католической церкви. Им оказался кардинал Лоренцо Ганганелли (Климент XIV) из францисканского ордена, традиционного соперника «Общества Иисуса». Иезуиты потерпели поражение. И все же потребовалось еще четыре года, прежде чем папский престол решился подписать смертный приговор своему «излюбленному чаду». 21 июля 1773 г. Климент XIV издал декрет (бреве) «Домини ак редентос» («Бог и спаситель»), запрещавший на вечные времена иезуитский орден. «Вдохновленные, — провозглашал папа в декрете, — как мы надеемся, святым духом, движимые долгом восстановить согласие в церкви, убежденные, что Общество Иисуса уже не в состоянии служить целям, во имя которых оно было учреждено, и движимые также другими причинами государственной важности и мудрости, объявляем о запрещении и искоренении на вечные времена Общества Иисуса и всех связанных с ним постов, домов и институтов»⁹. Одновременно с публикацией декрета последний генерал иезуитского ордена Лоренцо Риччи был по приказу папы заточен в подземелье крепости Сант-Анджело.

Так завершился процесс ликвидации ордена, привлекавший внимание общественного мнения католической Европы на протяжении многих лет. В ходе борьбы с иезуитским орденом, этим передовым отрядом клерикально-феодалной реакции, оттачивали свое идеологическое оружие ее противники. Победа над иезуитами явилась одной из предпосылок Великой французской буржуазной революции 1789 г.

⁶ M. Batllori. El abate Viscardo. Historia y mito de la intervención de los jesuitas en la Independencia de Hispanoamerica. Caracas, 1953, p. 83.

⁷ «The Expulsion of the Jesuits from Latin America». Ed. by M. Möner. New York, 1965, p. 40.

⁸ Д. С. М и х н е в и ч. Очерки из истории католической реакции (Иезуиты). М., 1955, стр. 245.

⁹ I. Lievano Aguirre. Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia, vol. I. Bogotá, 1960, p. 168.

Иезуиты и их сторонники не смирились с ликвидацией ордена. Их руководители перебрались в земли Фридриха II, неверного лютеранина, который надеялся их использовать в своих интересах. Не без ехидства прусский король приказал своему агенту в Риме аббату Колумбини передать папе: «Касательно иезуитов мое непеременимое намерение состоит в том, чтобы они существовали в моем государстве. К этому присовокупите, что так как я принадлежу к классу еретиков, то папа не может разрешить меня от данного мною обязательства держать свое слово, а также от долга честного человека и короля»¹⁰.

Но покровительство Фридриха II иезуитам длилось недолго. В 1776 г. он запретил иезуитам называться этим именем, а в 1781 г. положил конец их деятельности в Пруссии. Более повезло им в России, где Екатерина II отказалась признать папское брело о запрещении ордена и где их организации просуществовали до 1820 г., когда они также были изгнаны из страны.

«ВОИНСТВО ИИСУСОВО» — АВАНГАРД КОНТРЕФОРМАЦИИ

Иезуитский орден был восстановлен в 1814 г., после разгрома Наполеона и торжества реакции. С того времени апологеты ордена израсходовали немало чернил, чтобы задним числом реабилитировать иезуитов. Написаны тысячи книг, славящих их прошлую деятельность и пытающихся доказывать необоснованность и несправедливость запрещения и роспуска ордена. Иезуитским пропагандистам вторят буржуазные исследователи, разглагольствующие о позитивной роли иезуитов в области просвещения, об их патерналистском отношении к туземцам и вкладе в борьбу с колониализмом. Горы книг прославляют иезуитское «государство» в Парагвае, выдавая его за прообраз будущего строя, за идеальную модель социальной справедливости.

Чем же были в действительности иезуиты? Иезуитский орден был основан в 1536 г. в Париже испанским фанатиком Игнатием Лойолой, отдавшим, по словам Дидро, свою молодость военному ремеслу и любовным утехам¹¹. Официально орден был узаконен папой в 1540 г. То были тяжелые времена для католической церкви. Эпоха великих географических открытий, распространение идей гуманизма, дух Возрождения изменили привычный образ западного христианского мира. Ф. Энгельс называет эту эпоху величайшим прогрессивным переворотом из всех пережитых до того времени человечеством. Он писал: «Рамки старого orbis terrarum были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и были заложены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, которая, в свою очередь, послужила исходным пунктом для современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена»¹².

Иезуитский орден был создан, чтобы эту диктатуру удержать, чтобы приостановить распад католической церкви, чтобы укрепить ее позиции в новых условиях XVI в., когда бурно развивались книгопечатание, науки и искусства, расширялись торговые связи Европы с другими континентами и протестантская ересь — это идейное знамя нарождавшейся буржуазии — бросала вызов Риму, проникая даже в такие твердыни средневекового католицизма, как Испания и Португалия.

В литературе подробно излагаются основные положения устава иезуитского ордена, возводившие военную дисциплину в принцип высшей иезуитской доблести. Столь же хорошо известны «Духовные упражнения», составленные Лойолой, которые должны были превратить члена ордена в слепого фанатика, «палку», «восковой шар», «живой труп», готового по приказу своего начальника ринуться в огонь и в воду и не брезгающего никакими средствами в достижении поставленной цели. Железная дисциплина и абсолютное повиновение начальству считались высшей доблестью иезуитов. Коварство и фанатизм, ложь и обман — все это имело место в деятельности иезуитов. Но пороки, которыми «славились» иезуиты, в не меньшей степени присущи

¹⁰ Н. Моршкни. Иезуиты в России в царствование Екатерины II и до нашего времени, т. I. СПб, 1867, стр. 29.

¹¹ Д. Дидро. Избранные произведения. М., 1956, стр. 91.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 346.

и другим монашеским орденам, в частности их традиционным соперникам — францисканцам, пытавшимся соблазнить верующих своей бедностью, доминиканцам, «псам господа бога», возглавлявшим инквизицию, самим папам римским, более того, всей церкви в целом.

Чем же отличались иезуиты, эти янычары папского престола, как их называли просветители, от других орденов католической церкви? В первую очередь тем, что это был наиболее тесно связанный с папским престолом орден, деятельность которого непосредственно контролировалась и направлялась папой римским. Формально от папского престола зависели, разумеется, и все другие монашеские ордена. Однако на практике они более тяготели к местной иерархии и местным правителям, чем к далекому от них великому понтифексу. Другое дело иезуиты, присягавшие в верности папе римскому, его собственные солдаты, беспрекословно выполнявшие его приказы.

Иезуиты освобождались от обременительных церковных служб, обязательного ношения монашеского одеяния. В отличие от членов других орденов иезуит не был связан с монастырями и их жесткими уставами, его члены жили в миру, среди населения. К тому же иезуиты, в отличие от членов других монашеских орденов, не претендовали на высшие церковные должности, только в исключительных случаях они назначались кардиналами, епископами, а путь к папской тиаре вообще был им заказан. Они могли управлять только через других, могли быть только «тайной пружиной», секретной властью за треном, невидимым воинством. В известной степени их роль можно сравнить с ролью современной буржуазной разведки, которая действует под покровом глубокой тайны, руководствуясь принципом «цель оправдывает средства», причем руководитель разведки вряд ли может рассчитывать на успешную политическую карьеру, как генерал иезуитского ордена не может рассчитывать из «черного» папы превратиться в «белого» папу¹³.

Иезуиты отличались от других орденов и тем, что усовершенствовали «двойную бухгалтерию» католической морали, создав для этой цели догму «пробабализма» — относительности, согласно которой любой догмат и решение церкви можно было приспособить к политике «плаща и кинжала», осуществляемой орденом. Но не эти черты, присущие в большей или меньшей степени и другим церковникам, составляли главное в деятельности «Общества Иисуса», а цели, которые оно преследовало. Иезуиты возглавляли контрреформацию в широком понимании, ибо они боролись не только против различных проявлений протестантской ереси, но и против всего, что в какой-либо форме угрожало преобладанию церкви над светской властью, будь то королевский абсолютизм или гуманистические и просветительские идеи, научные теории, идущие вразрез с церковными догматами, или антифеодальные движения.

Членов «Общества Иисуса» отличало от их собратьев по другим монашеским орденам и направление их работы; многое они переняли у своих противников, наполнив своим, реакционным содержанием. Так, гуманисты и поборники различных течений протестантизма выступали за просвещение, развитие образования, отстаивали свободу научного поиска, широко используя печатный станок для пропаганды своих взглядов. Иезуиты делали то же самое: усердно насаждали школы и университеты, учреждали астрономические обсерватории, журналы, газеты, подвизались в области естественных и гуманитарных наук. Но их деятельность была пропитана зоологической ненавистью ко всему прогрессивному. В действительности иезуиты были ярыми врагами науки, прогресса. Иезуит кардинал Белларmino подписал смертный приговор Джордано Бруно и стремился отправить на костер Галилея. В инквизиции иезуиты вплоть до наших дней руководили книжной цензурой, составляли обязательный для верующих «Индекс запрещенных книг». За несколько сот лет деятельности иезуитов из их среды не вышло ни одного крупного ученого, если, разумеется, не считать учениками иезуитов тех, кто вырвался из их тисков и отрекся от их учения, как это произошло с Вольтером.

Только в двух областях — истории и лингвистике — они оставили заметный след. Разлетевшись по миру и пустив корни среди «неверных» народов, иезуиты, подобно современным разведчикам империализма, принялись за подробнейшее опи-

¹³ Иезуитский генерал носит черную рясу, папа римский — белую.

сание окружавшей их действительности, пересылая свои сообщения в Рим. Эти сообщения (их сохранились десятки тысяч), хотя и написаны зачастую малоквалифицированно, поверхностно, хотя в них перемешана правда с вымыслом, все же содержат много фактов не только о деятельности ордена, но и о жизни стран, в которых члены ордена развивали свою деятельность. Попадая в заморские страны и колонии, иезуиты первым делом принимались за изучение местных языков и наречий, знание которых было использовано для общения с населением, составляли словари и грамматики. Имеют значение и трехгодичные отчеты провинциалов в Рим. Будучи организацией в высшей степени централизованной и бюрократической, иезуитский орден славился своей отчетностью и изобилием всякого рода бумаг, направлявшихся в Рим. Правда, значительную их часть составляют всевозможные клеветы, жалобы, доносы друг на друга и на своих соперников из других монашеских орденов, на местные власти.

Другой отличительной чертой иезуитского ордена было то, что его члены специализировались на идеологической обработке правящих кругов, в первую очередь пытаясь заручиться поддержкой монархов и их ближайших советников. Иезуиты стремились получить для своего ордена влиятельное место исповедника короля и его придворных, что позволяло им оказывать заметное влияние на политику государства.

Иезуиты отличались от других орденов и активным участием в международных делах, в мировой политике. Это был первый космополитический орден католической церкви, в который входили представители различных национальностей, готовые в любое время сняться с места и по приказу своего начальства перебазироваться в любую точку земного шара. Иезуиты — активные участники династических и религиозных войн, колониальных захватов. Последним они придавали особое значение, ибо таким путем надеялись приумножить влияние католической церкви и папства, ослабленное протестантским расколом. Не прошло и нескольких десятилетий после основания ордена, как солдаты Лойолы уже проникли во все испанские и португальские заморские владения, в Эфиопию и другие африканские страны, в Индию, Китай и Японию.

И наконец, иезуитскому ордену была свойственна еще одна отличительная черта: он принимал активнейшее участие в мировой торговле, в разного рода денежных операциях и сделках. «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки, — писал К. Маркс, — создало для поднимающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента»¹⁴. Этими новыми условиями пытались воспользоваться иезуиты для приобретения богатств для личного обогащения и для финансирования их деятельности, цель которой заключалась в подрыве «революционного элемента», порожденного теми же условиями.

Со временем иезуитский орден стал обладателем плантаций, поместий, торговых домов и превратился в видного экспортера колониальных товаров на европейский рынок. В XVIII в., накануне роспуска ордена, он походил на гигантскую мировую монополию, владевшую земельными угодьями, недвижимой собственностью, мануфактурами и торговыми компаниями во всех частях света. В землях австрийской короны иезуитские имения оценивались в 15,5 млн. гульденов, в Баварии коллегия в Ингольштадте располагала суммой свыше 3 млн. флоринов, в Испании земельные владения иезуитов ежегодно приносили 2,5 млн. песо, в Польше и Италии — около 8 млн. франков в каждой¹⁵. Собственность ордена в испанских колониях Америки оценивалась в 71 млн. песо, цифра по тем временам огромная¹⁶.

В практически необозримой литературе по истории иезуитского ордена его деятельность в колониальной Америке образует отдельную тему, пожалуй наименее известную.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 425.

¹⁵ С. Г. Лозинский. История папства. М., 1961, стр. 363.

¹⁶ J. F. Rippey. Historical Evolution of Hispanic America. New York, 1943, d. 100.

Иезуиты действовали в колониальной Америке около 200 лет. Первые иезуиты прибыли в Бразилию в 1549 г., и в 1566 г. появились во Флориде, в 1568 г. — в Перу, в 1572 г. — в Новой Испании. К концу XVI в. иезуиты уже встречаются во всех главных центрах Португальской и Испанской Америки.

В колониальной Америке иезуиты приобрели большое влияние: под их контролем оказалось школьное и университетское образование, вся духовная жизнь колоний, они стали обладателями грандиозных материальных ценностей — поместий и плантаций, недвижимой собственности в городах, торговых домов. Под их контроль попали обширные районы с многочисленным индейским населением, в частности им принадлежало «государство» в Парагвае, известное также как «иезуитская республика». По нешолным данным, под опекой иезуитов к середине XVIII в. в испанских владениях Америки находились 717 тыс. индейцев, в том числе в Мексике — 122 тыс., в Парагвае — 113 тыс., в Перу — 55 тыс., в Кито — 7588, в Новой Гранаде — 6594¹⁷.

Иезуитский историк Хосе дель Рей Фахардо отмечает, что деятельность его собратьев в колониальной Америке развивалась главным образом в культуралистском и миссионерском направлениях¹⁸. Одно из них выражалось в том, что в крупных колониальных центрах иезуиты учреждали школы и колледжи как для отпрысков колониальных чиновников и креольской верхушки, так и для детей «знатных» туземцев. Другое — в том, что иезуиты стремились захватить позиции на колониальных границах, в то время еще весьма подвижных. Всей деятельности иезуитов сопутствовало участие в торговых и финансовых операциях. Из всего, что они делали, иезуиты всегда стремились извлечь материальную пользу, заручиться доходами, приобрести капитал. Популярная в XVIII в. эпиграмма на иезуитов довольно точно отражала характер их деятельности в колониях: «Хотите ли знать символ веры Семейства Иниго? Верую в сахар, в индиго»¹⁹.

Никак нельзя согласиться с перуанским историком Луисом Альбертом Санчесом, который, хотя и признает, что иезуиты «слишком» подчинили себе индейцев и препятствовали их развитию, утверждает, что основная их задача заключалась в «освобождении индейцев от тирании хозяев-энкомендеро»²⁰. В действительности все обстояло совершенно иначе. Иезуиты, как и прочие миссионеры, не только не ограждали индейцев от помещичьего гнета, но открывали ему путь, «приручая» индейцев, «усмиряя» их. Культурная деятельность иезуитов также служила интересам колонизаторов, ибо ее целью была подготовка преданных колониальному режиму кадров из среды креольского населения и привилегированной индейской верхушки. Это признает сам Санчес, когда отмечает, что иезуиты своей организованностью и дисциплиной представляли действительное препятствие для распространения враждебных церкви доктрин²¹, среди которых видное место занимали идеи сопротивления колонизаторам.

В конкисте, как известно, значительную роль играли доминиканцы, францисканцы и августинцы²², и именно им достались наиболее «жирные» куски колониальной добычи. Иезуитов это не смущало: в Западных Индиях еще имелись неразведанные земли на юге, на севере и в глубинных районах. Они надеялись, что именно там им суждено будет открыть и завладеть неуловимым Эль Дорадо — индейским властелином, купающимся в золотом песке. Вот почему иезуиты в первую очередь устремились к границам

¹⁷ J. F. Rippey. Op. cit., p. 100.

¹⁸ J. del Rey Fajardo. Ensayo sobre los fuentes para la historia de las misiones de la Compania de Jesus en Venezuela. — «Memoria del Primer Congreso Venezolano de historia eclesiastica». Caracas, 1970, p. 78.

¹⁹ Иниго (испанск.). — уменьшительное от Игнасио.

²⁰ L. A. Sanchez. Op. cit. p. 52.

²¹ Ibid., p. 376.

²² Кроме них, в колониях имелись представители и других орденов — мерседариев, кармелитов, бенедиктинцев, госпитальеров, бетлемитов. По далеко не полным данным, в XVI в. в Западные Индии прибывало из Европы ежегодно около 90 монахов, в XVII в. — около 100, в XVIII в. — около 130. В конце XVII в. там насчитывалось около 11 тыс. монахов, из них около 20% составляли иезуиты. После изгнания иезуитов общее число монахов не только не уменьшилось, но даже увеличилось и составляло несколько больше 11 тыс. — L. Lopetegui, F. Zubillaga. Historia de la Iglesia en America Española. México, America Central, Antillas. Madrid, 1965, p. 197.

завоеванного конкистадорами мира, стремясь захватить там базы для дальнейшей своей деятельности. Американский историк Г. И. Болтон называет их «героями подвижной границы»²³.

Иезуиты начали действовать в испанских колониях в конце XVI в., когда прекратилась конкиста, т. е. завоевание огнем и мечом новых земель, и в основном упрочилось колониальное господство. К тому времени сопротивление индейцев повсеместно было сломлено, индейские «империи» ацтеков, инков и чибча повержены. Теперь колонизаторы стремились освоить новые владения, закрепить захваченное, превратить колонии в «дойную корову» для королевской казны. Это не значило, что уже все земли в Америке и все индейские племена были покорены. И на севере Мексики, и к югу от Ла-Платы, и к северо-востоку от нее в обширной зоне между испанскими и португальскими владениями еще имелись необъятные, незавоеванные земли, населенные многочисленными индейскими племенами. Но не конкистадоры будут покорять эти периферийные пространства, а миссионеры. Испанская корона отказалась от услуг конкистадоров, не желая отдавать им львиную долю награбленного и к тому же наживать в их лице опасных соперников, стремившихся к самостоятельности, создававших конфликтные ситуации. Конкистадор уподобился шекспировскому мавру: обеспечив захват земель в Новом Свете испанской короне, он должен был сойти с исторической сцены. На смену вооруженной конкисте пришла «духовная» конкиста, в которой ведущую роль стали играть иезуиты. Когда же и сыны Лойолы выполняют черную работу для короны, последняя избавится от них столь же бесцеремонно, как некогда она избавилась от их предшественников — конкистадоров.

Как же действовали миссионеры — иезуиты, представители других орденов? В отличие от конкистадоров, орудовавших огнем и мечом, миссионеры стремились завоевать сперва душу туземцев, а потом уж подчинить себе и его тело. Они изучали объекты своей конкисты не менее тщательно, чем это делает энтомолог по отношению к жуку или бабочке. Выдающийся перуанский мыслитель Х. К. Мариатеги отмечает, что миссионеры привезли в колонии вместе со своими догматами и религиозными обрядами семена злаков, виноградную лозу, домашний скот и орудия труда. Они изучали обычаи и традиции местных жителей, собирали материал, касающийся их истории. Иезуиты и доминиканцы одной только своей способностью воспринимать и ассимилировать (особенно характерной для иезуитов) постигли многие тайны истории и душевного склада индейцев. Католицизм с его величественным богослужением и эмоциональными обрядами пленял воображение населения. Пышность и внешняя сторона католицизма легко привлекали к себе индейцев²⁴.

Духовная конкиста была далеко не мирным завоеванием. На границах контролируемых испанцами земель, где начиналась «зона войны», устанавливались форты, военные посты, крепости, служившие, с одной стороны, заслоном от набегов непокоренных индейских племен, а с другой — опорой для продвижения миссионеров в глубь свободных индейских территорий. Используя эти военные базы, миссионеры, снабженные топорами, тканями, нитками, внедрялись в индейскую территорию, основывали поселения — редукции, приучали индейцев к оседлой жизни, обращали их в христианство, и, пуская в ход подачки и угрозы, добивались послушания. В случае, если индейцы оказывали миссионерам сопротивление, на помощь приходили испанские войска.

Духовная конкиста длилась обычно около 10 лет, после чего в подготовленную миссионерами зону вводились испанские войска, земли вместе с индейцами распределялись между светскими и церковными колонизаторами, на границах отвоеванных земель вновь выстраивались военные посты и форты, а миссионеры переходили в новую зону. Иногда этот процесс из-за сопротивления индейцев затягивался на десятилетия. Порой же испанским властям было выгоднее оставлять покоренные племена под контролем миссионеров на более длительный срок, создавая своего рода буферную зону между испанскими и португальскими владениями, как то было в Парагвае, что

²³ H. E. Bolton. *Wider Horizons of American History*. New York, 1939, p. 149.

²⁴ Х. К. Мариатеги. *Семь очерков истолкования перуанской действительности*. М., 1963, стр. 206—207.

позволяло избегать прямых столкновений между соперничавшими колониальными державами. Индейцев, которых иезуитам удалось закабалить путем духовной конкисты, они считали вечно пребывающими в «младенческом возрасте», а поэтому нуждающимися в их опеке. Индейцев же, не поддавшихся их обработке, иезуиты рассматривали как слуг дьявола, олицетворение зла. Вообще отцы-иезуиты относились к своим подопечным высокомерно, а подчас с откровенной расистской ненавистью. Например, иезуит М. Добрицхоффер, имевший отношение к созданию парагвайских редукций, писал, что индейцы будто бы отличаются тупостью, невежеством и злобой²⁵. Карибы, которых иезуиты так и не смогли, несмотря на все свои старания, обратить в христианство, описывались иезуитским миссионером Х. Кассани клеветнически²⁶.

Так рассуждали иезуиты не только 300 лет тому назад, так рассуждают многие из них и сейчас. Вот, например, иезуит Джером В. Джекобзен, автор работы по истории ордена в Бразилии, пишет и сейчас: «Они ничего не знали о боге, о моральных законах, о единоженстве, находясь под влиянием колдунов, трепетали перед дьяволом и беспокоились только о пище, ходили нагишом»²⁷. Если подобного рода сочинения печатаются иезуитами во второй половине XX в., то легко вообразить, как рассуждали на этот счет их предшественники в XVII столетии.

Церковные апологеты представляют иезуитов как благодетелей и покровителей туземных народов. «Иезуиты были неустанными защитниками индейцев,— утверждал американский историк Хьюберт Херринг.— Ревнивые критики обвиняют их в том, что они эксплуатировали своих беззащитных подопечных, но факты показывают, что, хотя они были беспощадны в своем управлении индейцами, они были не менее суровы по отношению к самим себе. Они требовали от других не больше, чем от самих себя»²⁸. Такова логика рабовладельца! Колумбийский историк И. Лиевано Агирре в свою очередь заверяет, ссылаясь на новогранадских иезуитов Алонсо де Сандовала и Педро Клавера, осуждавших в XVII в. рабство негров, что якобы симпатии иезуитов к индейцам и неграм-рабам вызывали против сынов Лойолы резкие протесты со стороны помещиков и рабовладельцев, в результате чего иезуиты были вынуждены перебраться из колониальных центров в пограничные районы, где они могли пользоваться «свободой действий, необходимой для создания в Новом Свете социального режима, обеспечивающего экономическое развитие отсталых народов, без привнесения в механизм развития понятий «избранные классы» и «привилегированные расы», вытекающих из кальвинистской этики»²⁹. Другие апологеты ордена утверждают, что иезуитские редукции были будто бы первой попыткой деколонизации.

Нет ничего более далекого от истины, чем подобного рода утверждения. Могли, конечно, и среди иезуитов найтись искренние противники рабства негров, как среди доминиканцев был Лас-Касас, осуждавший порабощение индейцев. Но то были исключения из правила, ибо иезуитский орден в целом не только не осуждал рабство, а участвовал в работорговле и являлся собственником рабов во многих колониях Испанской Америки. Это подтверждается, как мы увидим ниже, многочисленными иезуитскими источниками. Что же касается индейцев, то, выступая против их порабощения светскими колонизаторами, иезуиты стремились сами стать их всевластными хозяевами.

Иезуиты действовали на периферии не потому, что им не жилось вольготно в колониальных центрах, а потому, что на «подвижной границе» у них было больше возможностей осуществлять контроль над индейскими массами и извлекать из этого большую выгоду. Так, опираясь на Мехико, они подчинили себе «подвижную границу» на северо-западе; действуя из Боготы, они захватили населенные индейцами земли в районе Ориноко, а из Кито и Покаяна — земли вдоль рек Какетá, Путумайо и Амазонки; базируясь на Лиму, они подчинили индейцев гуарани в обширной зоне

²⁵ См. И. П. Магидович. История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., 1965, стр. 307.

²⁶ J. C a s s a n i. Historia de la Provincia de la Compania de Jesus del nuevo reyno Granada en America. Caracas, 1967, p. 385.

²⁷ J. V. J a k o b s e n. The Jesuits in Brasil.— «The Roman Catholic Church in Colonial America». New York, 1971, p. 75.

²⁸ H. H e r r i n g. A History of Latin America. New York, 1963, p. 183.

²⁹ I. L i e v a n o A g u i r r e. Op. cit. p. 100.

вдоль рек Парагвай и Парана; из Сантьяго проникли в районы Патагонии и Огненной Земли.

Система покорения иезуитами индейских земель была проста, но действенна. Сперва в намеченный район проникали отдельные миссионеры со всякого рода побрякушками и дарами с целью заручиться расположением индейцев. Как правило, эти лазутчики хорошо знали местные наречия и обладали большим опытом покорения. Их целью был сбор детальной информации о количестве индейцев, об их настроениях, обычаях, дорогах, флоре и фауне района, его климатических условиях. Затем следовало массивное вторжение в намеченный район миссионеров, сопровождаемых прирученными индейцами, которые служили «подсадными утками» для непокоренных племен. Действуя через обманутых индейцев, пуская в ход всякие уловки, иезуиты стремились сосредоточить местных жителей в селениях — редукциях, приучить их к сельскому хозяйству, к оседлой жизни. Выступая в роли отцов-благотетелей, иезуиты подчиняли своей воле индейцев, регламентировали их быт, присваивали значительную часть продуктов их труда.

В Мексике иезуиты быстро укрепились как в городских центрах, так и на ее «подвижной» северо-западной границе. Вскоре орден стал обладателем крупнейших скотоводческих и других поместий, лучших сахарных заводов, занял ведущее место в школьном образовании и миссионерской деятельности. Обнаруженная французским исследователем Ф. Шевалье в мексиканских архивах «Инструкция братьям иезуитам — управляющим имениями», составленная руководством иезуитского ордена в Риме в начале XVIII в.³⁰, неопровержимо свидетельствует о повсеместном применении сынами Лойолы рабского труда. Инструкция предписывала использовать индейцев для работы начиная с пятилетнего возраста, в ней перечисляются различные телесные наказания, рекомендуемые применять к индейцам. Инструкция призывала использовать религию для более успешной эксплуатации рабов: «Сделайте рабов добрыми христианами, и вы сделаете их хорошими работниками»³¹.

Для миссионерской деятельности в Мексике иезуиты облюбовали северо-западную провинцию Новая Бискайя, в которой были расположены крупнейшие в стране серебряные и золотые прииски. Под предлогом обращения индейцев в христианство иезуиты сумели подчинить своему влиянию почти весь этот район, превосходящий по размерам площади современную Францию. К моменту высылки иезуитов в 1767 г. почти две трети всех миссий в Мексике (около 100) находилось под их контролем. Иезуиты вынашивали планы создания своего государства в Нижней Калифорнии³². Покоренные иезуитами индейцы неоднократно восставали. Особенно решительное сопротивление вторжению иезуитов на северо-запад Мексики оказывали индейцы апачи, а на северо-востоке — индейцы пуэбло. В ноябре 1616 г. восстали индейцы тепехуаны в районе Дуранго под руководством своего вождя Куатлатас (Франсиско де Оньяте), в 1695 г. индейцы пима в Соноре. В обоих случаях иезуиты бежали и вернулись с войсками, которые жесточайшим образом расправились с восставшими. По данным иезуитских источников, в Калифорнии индейское население в миссиях составляло в 1740 г. около 50 тыс. человек, а в 1768 г., когда иезуиты подверглись высылке, там оставалось всего лишь 7 тыс.³³

Еще на провинциальной конгрегации (конференции) в Мехико в 1577 г. иезуиты предложили разрешить им в отличие от других орденов принимать в свои ряды креолов, а в коллегии — детей видных индейских вождей. Первое им было разрешено папским престолом и испанской короной, а второе — нет, ибо, хотя индейцев папа и ко-

³⁰ «Instrucciones a los Hermanos Jesuitas Administradores de Haciendas». Prologo y notas de F. Chevalier. México, 1950.

³¹ Американский историк Бэйли Диффи отмечает: «Рабы составляли самую ценную часть иезуитской собственности. Детальная инвентаризация показала бы, что иезуиты владели тысячами рабов. О том, что они относились к рабам согласно обычаям своего времени, говорит наличие кандалов и других инструментов пытки, обнаруженных на плантациях во время изгнания иезуитов.» — B. W. Diffie. Latin American Civilization: the Colonial Period. Harrisburg, 1945, p. 584—585.

³² Г. И. Иванов. Мексика во второй половине XVIII века. Испанский колониализм и индейцы. — «Вопросы всеобщей истории». Ученые записки Ивановского ГПИ им. Д. А. Фурманова, т. 52. Иваново, 1970, стр. 32—34.

³³ L. Lopetegui, F. Zubillaga. Op. cit. p., 702, 743.

роль признали людьми, они все же не считали их способными постигнуть все премудрости католической доктрины. Что же касается возможности принятия креолов, то включение их в орден позволило иезуитам опираться в своей деятельности также на эту важную колониальную прослойку, в руках которой были сосредоточены основные богатства страны.

Активная миссионерская деятельность, различные торговые предприятия и махинации быстро превратили иезуитский орден в один из самых влиятельных колониальных институтов. О влиянии членов «Общества Иисуса» на колониальную администрацию свидетельствует и такой факт: креольский иезуит Антонио Нуньес во второй половине XVII в. был личным исповедником трех вице-королей Новой Испании и советником инквизитора.

Захват иезуитами ключевых позиций в колониальном обществе порождал к ним зависть и враждебность среди церковного руководства, которое видело в сынах Лойолы основных соперников. В Мексике их главным противником стал епископ Пуэблы Хуан Палафокс-и-Мендоса, объявивший иезуитам войну в своей епархии. Палафокс за отказ иезуитов платить десятину отлучил их от церкви, а затем направил послания испанскому королю и папе римскому, изобличая иезуитов в жадности и коварстве. В обращении к папе Иннокентию X (1647 г.) Палафокс писал об иезуитских владениях в Мексике: «Их стада рогатого скота и овец бесчисленны. Я знаю два их поместья, в каждом из них по 300 тыс. голов овец, а в других более 60 тыс. быков. Все белое духовенство вместе имеет только три небольших сахарных завода, а иезуитам принадлежат шесть самых больших сахарных заводов по всей Центральной Америке, и каждый представляет ценность в 0,5—1 млн. песо. Некоторые из этих заводов дают более 100 тыс. песо чистого дохода, и даже самые малые приносят не меньше 25—30 тыс. Кроме того, иезуитам принадлежат обширные пространства земли, простирающиеся на многие мили и отдаваемые в аренду; все эти земли чрезвычайно плодородны и в изобилии производят маис, табак и пр. Им еще принадлежат богатые серебряные копи, и вообще богатство и могущество их так велико, что белому духовенству вскоре придется выпрашивать у них милостыню»³⁴.

Хотя Палафокс пользовался большим авторитетом при королевском дворе в Мадриде (он до своего назначения в Пуэблу был членом Совета по делам Индий), иезуитам удалось одержать над ним верх. По приказу папы римского Палафокс был вынужден отменить отлучение иезуитов, а король Филипп IV отозвал его в Испанию.

Столь же успешно развивалась деятельность иезуитов и в других испанских владениях Америки. В Венесуэле иезуиты открыли первый колледж в Мериде в 1628 г. Иезуитские миссии были расположены здесь в основном в двух районах: в льяносах — по берегам Ориноко и его притоков и в Гвиане. Соппротивление индейцев вынудило иезуитов покинуть Гвиану, на Ориноко же солдаты Лойолы сохранили свои редукции, только опираясь на поддержку солдат и отрядов обманутых индейцев, которых они натравляли на непокоренных. В Новой Гранаде, как и в других колониях, у иезуитов имелись учебные заведения, поместья и миссии. «Для своих громадных предприятий между Картахой и Кито, — пишет историк иезуитского ордена Т. Гризингер, — они ежегодно посылали несколько кораблей в Анголу на берегу Африки, где невольники продавались очень дешево. Расходы на покупку и поимку негров и на содержание невольничьих кораблей они покрывали с избытком, перепродавая часть человеческого груза мексиканским плантаторам»³⁵. В Эквадоре иезуиты владели 131 латифундией, многочисленными плантациями. В поместье «Педрегаль» у них имелось 20 тыс. голов скота, на плантации «Соледад» — 8200 деревьев какао, в «Сан Педро де Алькантара» — 33 тыс. деревьев какао³⁶. В Перу, где находилось верховное руководство ордена в Южной Америке и пребывал верховный иезуитский казначей (прокуратор), иезуиты владели землями, факториями, плантациями, на которых работали десятки тысяч крепостных индейцев и к моменту запрещения ордена — 5200 рабов.

³⁴ J. de Palafox y Mendoza. Obras, vol. XI. Madrid, 1762, p. 30—32.

³⁵ Т. Гризингер. Иезуиты, т. I. СПб., 1868, стр. 338.

³⁶ O. A. Ibarra. P. Historia de la Acción clerical en el Ecuador desde la conquista hasta nuestros días. Quito, 1963, p. 25—27.

Самым крупным владением иезуитов в Испанской Америке были редукции в Парагвае. Там под их контролем находилось одно время около 300 тыс. индейцев³⁷.

В этом районе не было драгоценных камней и металлов, не было развитых индейских цивилизаций, и в период конкисты он не привлек особого внимания испанцев. Но мягкий климат, плодородная земля, позволяющие получать два урожая в год, большие массы индейского населения, в особенности миролюбивых племен гуарани, делали Парагвай весьма перспективным для развития сельского хозяйства, в частности скотоводства. Иезуитов привлекало здесь и то, что этот район был слабо заселен испанцами и находился в стороне от крупных колониальных центров. Ближайшие из них — Асунсьон и Буэнос-Айрес в начале XVII в. были всего лишь форпостами, охранявшими со стороны Атлантического океана подступы к богатствам Перу. К востоку от линии Асунсьон — Буэнос-Айрес лежали «незахваченные» земли, тянувшиеся вплоть до португальских владений, а точнее до Сан-Паулу. В этом огромном треугольнике: Асунсьон — Буэнос-Айрес — Сан-Паулу, в котором могли уместиться Испания, Португалия, Франция и многие другие вместе взятые европейские страны, раскинулись иезуитские владения, «иезуитская республика» или «государство», как их часто называют в литературе.

Эти владения входили в юрисдикцию иезуитской провинции Парагуарии³⁸ с центром в Асунсьоне, влияние которой распространялось на нынешние Аргентину, Парагвай, Уругвай и примыкающие к ним прифронтовые зоны Боливии и Южной Бразилии. Здесь к моменту запрещения ордена у него имелись один новациат, две резиденции (центры), 13 коллегий. Кроме того, орден владел редукциями, расположенными в округах Чикирос, Гуарани, Чако и Пампас.

Первые редукции были учреждены иезуитами в районе г. Гуайры на левом берегу р. Парагвай, но после успешных набегов бразильских бандейрантес (или мамелюков — охотников за рабами из Сан-Паулу) иезуиты были вынуждены покинуть Гуайру и переселиться вместе со своими подопечными индейцами на юг. В парагвайских миссиях у иезуитов было 30 редукций в районе верхнего и среднего течения рек Парана и Парагвай, на стыке нынешних Парагвая, Бразилии и Аргентины. Из них 8 редукций находились в нынешнем Парагвае, 15 — в Аргентине и 7 — в Бразилии, в штате Рио-Гранди-ду-Сул. Самая большая редукция — Япеу — насчитывала около 8 тыс. жителей, самая маленькая — 250, а в среднем — по 3 тыс.

Первые иезуитские миссионеры появились в Парагвае в 1585 г. Однако большого успеха они не имели. Район был изолирован, в Асунсьоне многие десятилетия правили конкистадоры, мечтавшие открыть владения Белого короля (южная версия фантастического Эль Дорадо). Отношения конкистадоров с местными индейцами были враждебные. Между ними шла непрекращающаяся война. Более терпимо относились к испанцам индейцы гуарани; они и стали основным контингентом иезуитских миссий, возникших с 1607 г., когда прибывшие из Перу иезуиты учредили Парагвайскую провинцию. В октябре 1611 г. иезуиты получили от испанской короны монопольное право на создание миссий в этом районе, их подопечные на 10 лет были освобождены от уплаты налогов королю. Испанская корона пошла на этот шаг по разным причинам: район был трудно доступен и беден ценными ископаемыми; он был населен свободолюбивыми индейскими племенами, военное покорение которых потребовало бы больших средств и усилий со стороны колониальных властей; территория, на которой обосновались иезуиты, примыкала к Бразилии. Последняя в то время находилась, благодаря присоединению в 1580 г. Португалии к Испании, в орбите испанского влияния, поэтому тогда не ожидалось, что португальцы окажут сопротивление продвижению иезуитов в глубь их территории.

³⁷ J. Rodrigues de M e r e j e. A república Jesuitica do Paraguai. — «Revista Brasileira», 1959, p. 184.

³⁸ Иезуитский орден подразделялся на асистенции, в которые входили, как правило, несколько стран. Асистенции подразделялись на провинции. Кроме Парагвайской провинции (Парагуарии), иезуиты имели в колониальной Америке еще Мексиканскую и Перуанскую провинции.

Таким образом, иезуиты, как в других испанских колониях, так и в Парагвае, подчиняя своему влиянию индейские массы, служили в первую очередь испанской колониальной державе, укрепляли колониальный режим, колониальную систему, с интересами которой переплетались их торгово-политические цели. Даже такой их панегирист, как И. Лиевано Агирре, считает абсурдным весьма популярную в XVIII в. версию о намерении иезуитов отделить их владения в Парагвае от испанской короны и провозгласить независимую индейскую империю³⁹. Это грозило бы им потерей позиций во всех колониях.

Иезуиты приспособили католическую религию к первобытным индейским верованиям. Действуя через подчиненных индейцев, которые выступали в роли их агитаторов и пропагандистов, иезуиты заручались поддержкой индейских вождей-касики, через которых управляли редукциями; касики получали свою долю от эксплуатации соплеменников. Панегиристы ордена указывали на наличие вооруженных отрядов гуарани, подчинившихся иезуитам, как на доказательство «свободы», которой якобы пользовались жители редукций. Но наличие таких отрядов ничего не подтверждает. Ведь при любом феодально-крепостническом строе имела армия, состоявшая в основном из крепостных, которые сражались и гибли за своих сеньоров. Панегиристы ордена ссылаются на то, что в этой «христианской республике», якобы воплотившей в жизнь самые смелые мечты апостолов, иезуиты обучали ремеслам индейцев. Но труд в мастерских еще не делал их свободными, как не делал свободными негров-рабов труд на хлопковых плантациях и на сахарных заводах.

Борцы с реформацией и ее духом предпринимательства и наживы, иезуиты отлично усвоили эти качества своих противников и умели извлекать прибыль из своих владений не хуже, чем это делали их идейные противники пуритане в Новой Англии или голландские поселенцы в Индонезии. Нельзя не согласиться со следующей оценкой Х. К. Мариатеги: «Быть может, только иезуиты с присущим им практицизмом продемонстрировали в Перу, как и в других частях Америки, способность к экономическому созиданию. Отданные им латифундии процветали»⁴⁰. Если судить по их парагвайским владениям, то иезуитские миссии были действительно рентабельными предприятиями. В первой половине XVIII в. они приносили около 755 тыс. золотых песо в год чистого дохода⁴¹. К моменту запрещения ордена, по данным Рейналя, полученным им от изгнанных из испанских колоний иезуитов, в их парагвайском «царстве» было 769 тыс. голов крупного рогатого скота, 25 тыс. мулов и лошадей и 221 тыс. овец⁴².

Процветание это достигалось ценой беспощадной эксплуатации индейцев. Чем действительнее становилось иезуитское управление редукциями, тем быстрее вымирало их население. По данным иезуитских источников, население редукций сократилось с 300 тыс. человек в середине XVII в. до 100 тыс. к моменту роспуска ордена. Некоторые иезуиты изображали редукции не то детским садом, не то богадельней. Однако все авторы, в том числе и иезуиты, сходятся на том, что жизнь индейцев в редукциях была до предела регламентирована, включая брачные отношения, которые совершались по сигналу колокола в 11 часов ночи; индейцы работали от зари до захода солнца, жили в нищете, скудно питались, ходили босиком, гибли от различных эпидемий. Иезуиты чинили над ними суд и расправу, наказывая плетью за малейшее нарушение установленного порядка. Труд индейцев приносил огромную выгоду ордену. Иезуиты поставляли на международный рынок большие партии иерба-мате (парагвайского чая), хлопка, кож, дубильного экстракта, воска, табака, зерна и других продуктов, полученных в результате нещадной эксплуатации индейцев.

Нынешние панегиристы иезуитского ордена, пытаясь доказать, что «Общество Иисуса» покровительствовало индейцам, сеяло «разумное, доброе, вечное» в колониях, обращаются к свидетельствам современников и, вопреки известным фактам, утверждают, что даже великие просветители XVIII в. — эти низвергатели бога и религии, якобы восхищались деятельностью ордена в парагвайских редукциях. Даже для

³⁹ I. L. Ievano Aguirre. Op. cit., p. 125.

⁴⁰ Х. К. Мариатеги. Указ. соч., стр. 57.

⁴¹ См. И. П. Магидович. Указ. соч., стр. 314.

⁴² I. L. Ievano Aguirre. Op. cit., p. 130.

самых непримиримых противников ордена из числа философов-просветителей XVIII в., в том числе Вольтера, заверяет М. Мернер, иезуитское государство казалось «прекрасным экспериментом, путем которого европейский интеллект доказывал свою способность создать общество согласно определенному плану»⁴³.

Однако это относится далеко не ко всем энциклопедистам, и меньше всего к Вольтеру. Ш. Монтескье действительно в «Духе законов», хотя и отмечает, что «Общество Иисуса» «в удовлетворении повелевать видит единственное благо жизни», высказывает мнение, что в Парагвае оно «вызвало из лесов рассеянные в них народы, обещало их пищей, снабдило их одеждой, и если бы все это повело лишь к тому, что больше людей стало заниматься промышленностью, то и этим было бы уже много сделано»⁴⁴. Работа Монтескье была опубликована в 1748 г., т. е. накануне острых конфликтов государства с иезуитским орденом в католических странах; отсутствовала и правдивая информация о иезуитском «государстве» в Парагвае; все это оказало влияние на взгляды Монтескье в данном вопросе.

Вольтер же был непримиримым врагом и изобличителем иезуитского ордена. «Даже после того, как Франция и Испания обратили их в пепел,— писал Вольтер об иезуитах,— они сохранили прежнюю спесь. Разрезанная на куски змея вновь подняла голову из-под груды этого пепла»⁴⁵. Что касается деятельности иезуитов в Парагвае, то ей посвящены самые едкие страницы «Кандида» — своеобразного сатирического репортажа, написанного по горячим следам событий во второй половине 1758 г. и изданного в Женеве в 1759 г. Какамбо, этот вольтеровский Санчо Панса, слуга Кандида, служивший в прошлом «сторожем в Ассумпсионской коллегии» и знавший государство иезуитов, «как улицы Кадикса», так его описывает: «Удивительное у них государство. Оно имеет более трехсот миль в диаметре, разделено на тридцать провинций (редукций). Los padres имеют там все, а народ ничего, это образец разума и справедливости»⁴⁶. Попад в иезуитское царство в Парагвае, Кандид убеждается, что Какамбо верно описал ему господствующие в нем порядки. Здесь отцы иезуиты владеют неграми-рабами, живут в роскоши, пьют топкие вина из хрустальных кубков, вкушают изысканные блюда из золотых чаш, в то время как индейцы трудятся «на солнечном припеке» и питаются маисом из деревянных чашек. Кто же управляет индейцами в редукции, которую посетили Кандид и Какамбо? Барон Тундер-тен-тронк родом из «грязной Вестфалии», насчитывающий 72 поколения предков, иезуитский священник и полковник, наемник и авантюрист. Кандид по воле автора убивает этого иезуита.

Казалось бы, «Кандид» убедительно показывает осуждение Вольтером иезуитского эксперимента в Парагвае. Однако Ж. Десколя, современный иезуитский апологет, утверждает, что эта глава свидетельствует о «неловком положении» Вольтера, который якобы был раздираем, с одной стороны, желанием похвалить политическую систему, близкую его взглядам, а с другой — его антипатией к методам «Общества Иисуса»⁴⁷. Это довольно типичный для иезуита метод передержки и фальсификации.

В военных действиях против парагвайских иезуитов должен был принять участие частично принадлежавший Вольтеру корабль «Паскаль». Вольтер радовался этому. В одном из писем герцогу Ришелье в 1756 г. Вольтер писал: «Корабль называется «Паскаль». Вполне справедливо, чтобы Паскаль бил иезуитов»⁴⁸.

Столь же враждебны были к иезуитам и ведущие энциклопедисты. Сама «Энциклопедия» была задумана как мероприятие, противостоящее иезуитскому «Словарю Трево», своего рода библии противников просвещения. К. А. Гельвеций, называя иезуитов «одним из самых жестоких бичей наций»⁴⁹, замечал: «Всякая монашеская организация страдает одним коренным недостатком — отсутствием реальной власти. Власть монахов основывается на невежестве и безумии людей. Но с течением времени человеческая мысль становится просвещенной или, во всяком случае, должна из-

⁴³ «The Expulsion of the Jesuits from Latin America», p. 12.

⁴⁴ Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 193.

⁴⁵ Вольтер. Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма, т. II. М., 1961, стр. 174.

⁴⁶ Вольтер. Избранные произведения. М., 1947, стр. 71.

⁴⁷ J. Descola. Quand les Jesuits sont au pouvoir. Paris, 1956, p. 78.

⁴⁸ См. К. Н. Державин. Вольтер. М., 1946, стр. 301.

⁴⁹ К. А. Гельвеций. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938, стр. 291.

менять форму своего безумия. Поэтому иезуиты, предвидя это, захотели соединить в своих руках светскую власть с духовной. Они хотели иметь возможность устраивать своими армиями государей, которых нельзя испугать кинжалом или ядом. С этой целью они заложили уже в Парагвае и Калифорнии основы новых государств»⁵⁰.

Не менее суров в оценке деятельности иезуитов Д. Дидро: «Эти жестокие спартанцы в черной рясе обращались со своими рабами-индейцами так, как лакедемоняне с илотами, они обрекали их на непрерывный труд, жирели от плодов их пота, не оставив им совершенно права собственности, держали их в тисках суеверия, требовали от них величайшего почитания, ходили среди них с бичом в руках, стегая им одинаково старцев и детей, мужчин и женщин»⁵¹.

Зло высмеял иезуитов известный французский ученый Элизе Реклю. В блестяще написанном в 60-х годах прошлого века эссе «Опыты превращения новых людей в старых (Парагвай)» Э. Реклю писал, что «иезуитский идеал заключался в неразрывной связи абсолютной духовной монархии с мудро организованной феодальной аристократией, которая давала бы им силу вместе эксплуатировать невежественное большинство, вытягивая из него все, что возможно вытянуть»⁵². Что касается отношения иезуитов к гуарани, то Реклю отмечал: «Их жизнь в миссиях подобна жизни в великолепно устроенных, снабженных всеми удобствами одиночных тюрьмах, которые изобрела новейшая филантропия взамен смертной казни»⁵³.

После второй мировой войны интерес к иезуитской «республике» в Парагвае вновь возрос. В ряде работ клерикальных авторов эта «республика» в который раз поднимается на щит как прообраз справедливого государственного строя. Другие авторы договариваются до того, что выдают иезуитский эксперимент в Парагвае за решение проблемы экономического развития слаборазвитых стран в настоящее время. Это делает, в частности, Жан Десколя⁵⁴.

Наряду с этим появился ряд работ, в которых западные ученые стремятся дать более объективную картину того, чем по существу являлась иезуитская вотчина в Парагвае⁵⁵. Так, аргентинский историк Серхио Багу считает, что иезуитская миссия сохраняла «сильный доколумбовый вкус», ибо в ней аграрная индейская первобытная община была приспособлена служить новой колониальной действительности⁵⁶.

Какой же социальный характер имели иезуитские владения в американских колониях Испании и Португалии, в том числе в Парагвае? Марксистская точка зрения по этому вопросу была впервые высказана Полем Лафаргом в статье «Поселения иезуитов в Парагвае», опубликованной в 1899 г. Ссылаясь на папу Льва XIII, издававшего себя за «друга рабочих» и сторонника социальной справедливости, П. Лафарг отмечал, что для понимания сущности «Нового Иерусалима», уготованного духовенством для человека, вовсе не надо насиловать свою фантазию и измышлять «государство будущего», а достаточно исследовать иезуитскую «христианскую республику» в Парагвае, дающую довольно точную картину того общественного строя, к осуществлению которого стремится католическая церковь⁵⁷. Эта республика, писал П. Лафарг, «оказывается при ближайшем рассмотрении очень остроумной и прикрасной смесью крепостничества и рабства. Индейцы, как крепостные, должны были сами производить средства для своего пропитания и, как рабы, были лишены всякой собственности»⁵⁸.

⁵⁰ Там же, стр. 289.

⁵¹ Д. Дидро. Указ. соч., стр. 180—181.

⁵² Э. Реклю. Опыты превращения новых людей в старых (Парагвай). — «Дело», 1869, № 9, стр. 146.

⁵³ Там же, стр. 161, 162—163.

⁵⁴ J. Descola. Op. cit., p. 138.

⁵⁵ См. критический обзор такого рода литературы в статье М. С. Альперовича «История Парагвая в освещении новейшей буржуазной историографии». — «Вопросы истории», 1970, № 1, стр. 68—78.

⁵⁶ S. B a g ú. Economía de la sociedad colonial. Ensayo de historia comparada de América Latina. Buenos Aires, 1949, p. 28.

⁵⁷ П. Лафарг. Поселения иезуитов в Парагвае. — «Из истории общественных течений (история социализма)», т. II. СПб., 1906. стр. 357.

⁵⁸ Там же.

Уильям З. Фостер писал, что «все миссии, в том числе и иезуитские, были не чем иным, как просто напросто церковным вариантом испанского феодального поместья, со всеми присущими ему формами эксплуатации, прикрытыми лишь позолотой религиозной пропаганды и обрядности»⁵⁹. Точку зрения У.З. Фостера разделяет советский исследователь А. М. Хазанов, который считает, что «редукции в Бразилии — клерикальная разновидность португальского феодального поместья (фазенды)»⁶⁰. М. С. Альперович склоняется к мысли, что речь идет «скорее о феодально-крепостническом строе с некоторыми элементами рабства»⁶¹.

На наш взгляд, речь идет о церковном варианте энкомьенды, где индейцы находились на положении «церковных рабов»; наряду с этим во владениях иезуитов имелись и обычные рабы-негры. Степень зависимости индейцев от иезуитов была значительно более всеобъемлющей, чем в энкомьендах; в то же время сохранялись в большей степени элементы первобытнообщинного строя индейцев. Наряду с этим производство редукций предназначалось в основном для экспорта, было связано с мировым рынком.

Было ли «государство» иезуитов в Парагвае действительно государством, как утверждают и не только иезуитские исследователи? Мы уже отмечали, что миссионеры, в том числе иезуиты, были неотъемлемой частью системы колониального гнета, установленной испанскими завоевателями в Америке. Иезуиты, как и члены других монашеских орденов, направлялись в колонии с согласия и разрешения Совета по делам Индий, их содержание оплачивалось испанской казной, иначе говоря, они были такими же чиновниками испанской короны, как и остальные церковники, и их деятельность регулировалась принципами патроната, согласно которому король являлся главой католической церкви в Испании и ее заморских владениях. Иезуитский орден в 1655 и 1656 гг. признал, что действие патроната распространяется также и на него. Деятельность иезуитов в Парагвае подвергалась контролю как церковной иерархии, так и колониальных властей в Асунсьоне и Буэнос-Айресе. Индейцы гуарани, проживавшие в редукциях, считались подданными короля и платили с 18 до 50-летнего возраста через иезуитов подушную подать в королевскую казну.

Однако по сравнению с другими миссиями, даже тех же иезуитов, парагвайские редукции имели свои особенности. Среди иезуитов, управлявших редукциями, наряду с испанцами и креолами, было много иностранцев, в особенности немцев⁶². Иезуиты осуществляли над парагвайскими редукциями полный, неограниченный контроль, по своему усмотрению регламентировали жизнь и деятельность индейцев, являясь для них высшей властью. Индейцы формально не были рабами, их не продавали и не покупали; но фактически их положение мало чем отличалось от рабского состояния. Они находились в полной зависимости от иезуитов, подвергались телесным наказаниям, у них отсутствовала собственность, ибо все производственные излишки присваивались иезуитами, они не имели права свободно передвигаться, все их существование было строго регламентировано. Доступ в редукции зависел от воли иезуитских начальников, которые могли запретить въезд в зону редукций всем, за исключением высших духовных чинов и представителей колониальной администрации. Наконец, другая существенная особенность иезуитских миссий в Парагвае — наличие войск в редукциях из индейцев гуарани, войск, которые полностью находились под контролем тех же иезуитов. Эти войска были созданы и вооружены с разрешения испанской короны в 1649 г. В их задачу входила охрана восточной границы от набегов бразильцев, и формально они находились в распоряжении колониальных властей.

⁵⁹ У. З. Ф о с т е р. Очерки политической истории Америки. М., 1953, стр. 137.

⁶⁰ А. М. Х а з а н о в. Предисловие к кн.: Р о ш а П о м б у. История Бразилии. М., 1962, стр. 9.

⁶¹ М. С. А л ь п е р о в и ч. Указ. соч., стр. 72.

⁶² Испанские власти пытались ограничить допуск иностранных иезуитов в колонии, но это не всегда удавалось. Иезуиты-иностранцы изменяли свои фамилии на испанские, чтобы легче было проникнуть в колонии. В 1651 г. Совет по делам Индий отдал приказ о высылке из колоний иезуитов-иностранцев, но он не был приведен в исполнение. Руководство ордена в Риме стремилось направлять в колонии иностранцев, полагая, что они будут вести себя там более независимо по отношению к колониальным властям, чем испанцы.

Исходя из этих фактов, вряд ли можно рассматривать иезуитские редукции в Парагвае как государство, точнее было бы считать их иезуитскими владениями, входящими в систему испанской колониальной империи.

Многие историки полагают, что миссионеры, в первую очередь иезуиты, пытались создать в Америке собственную колониальную империю. Так, бразильский прогрессивный историк Кайо Прадо Жуниор считает, что иезуиты вынашивали в Америке планы грандиозных масштабов: основать могучую державу католической церкви и стать во главе ее. Иначе нельзя понять их систематических и упорных усилий (которые частично принесли свои результаты) овладеть всей внутренней частью южноамериканского континента. Иного смысла не могла иметь стратегическая линия их миссионерских пунктов, протянутая от Уругвая и Парагвая через Мохос и Чикитос в Боливии до верховьев Амазонки и Ориноко⁶³.

Все это имело место. Но необходимо видеть и другую сторону медали: стремление королевской власти использовать миссионеров, в частности иезуитов, в своих интересах как дешевую и надежную силу для покорения «диких» индейских племен, расширения путем «духовной» конкисты границ империи и для умерения appetitов светских колонизаторов.

Со временем, однако, иезуиты приобрели такую силу и влияние, что стали угрожать не только интересам местных колонизаторов, но и самой королевской власти. К тому же они выполнили свою роль духовных конкистадоров — во второй половине XVIII в. уже не оставалось «ничейной» земли между испанскими владениями, с одной стороны, и португальскими, английскими и французскими, с другой.

В этих условиях иезуиты превратились не только в обузу, но и в препятствие для укрепления колониального режима. Иезуиты сделали свое дело и теперь должны были уйти, исчезнуть, погибнуть.

Окончание следует

⁶³ К. Прадо Жуниор. Экономическая история Бразилии. М., 1947, стр. 94.